

Е Тао наклонился, поднял Баобао и спокойно отошел в сторону. Встретив Ло Дуна, который подошел, услышав шум, Е Тао легко объяснил:

— Господин Ань увидел, что мне скучно одному, и любезно решил составить мне компанию. Мы так увлеклись разговором, что я случайно опрокинул чашку и обрызгал господина Аня чаем.

Ло Дун, обладая острым умом и будучи давним знакомым Е Тао, мгновенно понял суть дела: Ань Чэнсюань от нечего делать решил подразнить Е Тао, считая его ребенком, который в случае чего просто побежит жаловаться дяде, и его вряд ли поймут. Однако он наткнулся на отпор и сам получил урок от Е Тао.

— Почему ты такой неосторожный? Не обжег ли господина Аня? — Ло Дун сделал вид, что ругает Е Тао, но в душе проклинал Ань Чэнсюаня, этого невежду, который осмелился устроить сцену на таком мероприятии. Ему бы и обжечься не помешало!

— К счастью, чай был не горячим, только испачкал одежду. Пойдите, посмотрите сами.

— Ты только и делаешь, что создаешь проблемы взрослым. — Ло Дун притворно пожурил Е Тао, затем подозвал официанта и приказал ему подготовить комнату наверху, чтобы Е Тао мог покинуть это место ссоры. После этого он с притворной заботой отправился разбираться с последствиями.

Е Тао, держа на руках Баобао, отправился в номер. Баобао заметил, что его дядя Е, только что устроивший взрыв, теперь выглядел совершенно спокойным, как будто ничего не произошло, и даже заказал несколько закусок, которые любили он и Сяо Чэн.

Баобао, зацепившись за одежду Е Тао, спросил:

— Мяу~?

Е Тао ответил:

— Я не злился. Злиться на таких людей — только себе во вред.

Баобао снова спросил:

— Мяу~?

Е Тао пояснил:

— Если бы я его не проучил, он бы стал наглеть.

Баобао продолжил:

— Мяу~?

Е Тао не сразу ответил, немного подумав над значением этого «мяу», затем с легкой улыбкой в голосе произнес:

— Сначала устроил истерику, а теперь беспокоишься, как выходить из положения. О чем ты думал, когда царапал его?

Баобао смущенно опустил глаза, словно стесняясь и притворяясь послушным, и потерялся

головой о грудь своего дяди Е, мягко промурлыкав:

— Мясю~~ — Я боялся, что тебе достанется.

Е Тао погладил его по шерсти там, где до этого схватил Ань Чэнсюань, успокаивая:

— Не волнуйся, Ло Дун все уладит.

Характер Ло Дуна был Е Тао понятен как никто другой. У Ло Дашао от природы был острый язык и полная голова хитроумных планов. Он мог оживить мертвеца и вывернуть все так, что выглядело бы правдоподобно. К тому же сегодняшний банкет был организован семьями Чжоу и Ло. Если Ань Чэнсюань устроил скандал на банкете, это означало, что он не уважает Ло Дуна. Ань Чэнсюань был неправ, и то, что Ло Дун не стал с ним разбираться, уже было проявлением великодушия. Если бы Ань Чэнсюань продолжил задираться, это было бы просто глупо.

Ань Чэнсюань, хоть и поступил глупо из-за своей узости взглядов, но не был совсем лишен сообразительности. Ло Дун с притворной заботой поинтересовался его состоянием, и Ань Чэнсюань воспользовался возможностью сгладить ситуацию. Он проглотил обиду, и, хотя в душе кипел от злости, решил не задерживаться и, попрощавшись с Ло Дуном и Чжоу Цзыцянем, который все это время молчал, ушел раньше времени.

Выйдя из отеля, Ань Чэнсюань дождался, когда сотрудник подгонит машину, и в этот момент получил звонок от Чжоу Цзыцяня. Ань Чэнсюань немного нервничал и, ответив на звонок, намеренно смягчил голос:

— Цзыцянь, что-то случилось?

Чжоу Цзыцянь не стал устраивать разнос, лишь сказал:

— Тебе не следовало его провоцировать.

Ань Чэнсюань почувствовал, как сердце упало, понимая, что на этот раз он действительно переступил черту. Даже если пострадал он сам, и он был полон негодования, сейчас он должен был сдерживаться и не показывать своих чувств:

— Сегодня я был неправ, шутка зашла слишком далеко...

Мужчина на том конце провода даже не дал ему возможности извиниться, прервав разговор на полуслове.

Ло Дун, казалось, решил, что Чжоу Цзыцяню недостаточно раздражения. Зная, что Чжоу Цзыцянь хочет увидеть Е Тао, он именно сейчас стал представлять ему приглашенных гостей. Со стороны это выглядело как доброжелательность Ло Дуна, но только Чжоу Цзыцянь знал, какие у него на уме мысли.

Когда Чжоу Цзыцянь закончил с общением и поднялся в номер, Сяо Чэн и Баобао уже доели закуски, которые Е Тао заказал для них, и теперь пили чай, беседуя с ним.

Сяо Чэн и Баобао были полностью преданы Е Тао, каждый из них защищал его как мог. Сяо Чэн, который обычно боялся Чжоу Цзыцяня, даже набрался смелости, чтобы заступиться за Е Тао, описывая его как совершенно невиновного. Баобао тоже защищал Е Тао, и с момента, как Чжоу Цзыцянь вошел в комнату, малыш уставился на него круглыми кошачьими глазами, готовый в любой момент вступить за своего дядю Е.

— Сяо Чэн, выведи Баобао погулять. — Е Тао лучше них понимал свое положение и знал, что не нужно так напрягаться, но, видя их реакцию, чувствовал тепло. Это были благодарные дети, и он не зря их любил.

Сяо Чэн, держа на руках неохотно уходящего Баобао, вышел из комнаты. Чжоу Цзыцянь, который не мог проявлять слишком много эмоций при посторонних, снова спросил Е Тао:

— Ты не пострадал?

Е Тао покачал головой и рассказал Чжоу Цзыцяню о причинах конфликта с Ань Чэнсюанем. Он говорил справедливо: Ань Чэнсюань был неправ, устроив скандал, но и Е Тао не смог сгладить ситуацию, что привело к обострению конфликта. Конечно, Е Тао не извинялся и не жалел о том, что проучил Ань Чэнсюаня.

— Он постоянно издевался надо мной, ударил Баобао, оскорблял Сяо Чэн. Я лишь облил его теплым чаем, и это было мягко с моей стороны. — Е Тао не оправдывался, но говорил это, чтобы проницательный мужчина не подумал лишнего.

— Когда я узнал, что ты облил его чаем, я не разозлился, а даже обрадовался. В конце концов, ты не из тех, кто будет злиться из-за нескольких неприятных слов. — Чжоу Цзыцянь не смутился своей самонадеянностью и спокойно спросил:

— Это действительно не имело ко мне никакого отношения?

Е Тао не оставил ему места для фантазий, прямо ответив:

— Нет.

Услышав четкий ответ, Чжоу Цзыцянь покачал головой:

— Я не верю.

Е Тао промолчал. Он не был уверен, верит ли Чжоу Цзыцянь или просто не хочет верить, но он точно знал, какое место и какой вес этот человек занимал в его сердце. Говорить, что он не тронут, не влюблен, было бы ложью, а ложь, повторяемая слишком часто, рано или поздно вскрывается. Поэтому лучше было просто не говорить.

Чжоу Цзыцянь взял руки Е Тао в свои, держа их между ладонями, и смотрел на него с сосредоточенной нежностью:

— Если бы не было проблем с положением и браком, ты бы принял меня?

Глаза Чжоу Цзыцяня были прекрасны, в них была мужественная красота. Цвет его глаз был глубоким, что делало их загадочными. Один лишь его взгляд мог создать иллюзию глубокой привязанности, и когда он смотрел на кого-то так пристально, это было почти смертельно притягательно, заставляя человека погружаться в это чувство без возможности выбраться.

Е Тао обладал неплохой силой воли, но он не был бесчувственным, и сердце в его груди уже давно находилось под влиянием этого человека. Он не хотел видеть, как глаза, полные надежды, становятся тусклыми.

Е Тао опустил взгляд на их соединенные руки и сказал тому, кто тронул его сердце:

— Нет. Твой кругозор и твои способности определяют твой успех. Такая жизнь подходит

тебе, и ты ее ждешь. А я не только обыденен, но и не обладаю здоровьем, поэтому могу жить только спокойной жизнью. Мы разные, наши устремления не совпадают, и даже если бы не было тех проблем, о которых ты говоришь, мы бы все равно не смогли быть вместе.

— Не думал, что у тебя такие мысли. — Чжоу Цзыцянь, произнеся это, отпустил руки Е Тао, но мягко и настойчиво обхватил его за шею. Их лбы почти соприкоснулись, и на расстоянии, где они могли чувствовать дыхание друг друга, Чжоу Цзыцянь улыбнулся:

— Но я рад, что ты отказал мне из-за того, что мы не подходим друг другу, а не из-за отсутствия чувств.

Е Тао на мгновение замер, но быстро собрался с мыслями, готовый ответить, но успел лишь произнести:

— Ты...

...прежде чем его прервали.

Чжоу Цзыцянь поцеловал его в родинку, похожую на слезинку, и, когда губы коснулись его кожи, Е Тао инстинктивно закрыл глаза. Когда он снова открыл их, поцелуй уже был на его губах — все такой же нежный, но настойчивый, и даже если Е Тао хотел отказаться, у него не было шанса.

У автора есть что сказать:

Я с трудом поднялся, простуда еще не прошла, кашель просто разрывает легкие.

PS: Дядюшка снова не появился, дядюшка, приходи скорее, многие ждут, чтобы тебя отшлепать. Я первая, как родная мать, никто не смей со мной спорить.

<http://bllate.org/book/17687/1650262>